

РИММА КАЗАКОВА... Это имя и сегодня, как и тридцать лет назад, звучит для миллионов россиян символом живой поэзии. Ее стихи, понятные и близкие, ошеломляют своей искренностью, непридуманностью. Они звучат естественно и легко, словно написаны на одном дыхании.

У Риммы Казаковой нет серьезных, официальных наград (таких непослушно-искренних, порывистых не любят высокие начальники), но есть нечто большее — всенародное признание. Ее давно слышали и оценили те самые сто пятьдесят миллионов, к которым обращался Маяковский. На встречу с Риммой Казаковой не только в Политехнический музей, но и в непрестижный зал любого города России приходят сотни любителей поэзии — благодарных слушателей и читателей ее стихов самых разных поколений и профессий. А эстетам, отвергающим слишком простые для них, прозрачные в своей дерзостной ясности стихи Казаковой, можно напомнить остроумные слова Марины Цветаевой: «Всемирно под небом есть место — и предателю, и насильнику, и убийце, а вот эстету — нет! Он не считается, он выключен из стихии, он — нуль».

Подводя первые итоги пережитому и написанному (а печататься Римма Казакова начала сорок два года назад), поэтесса в новой книге стихов «Наугад» (М., 1996) пытается найти ответ на вопрос: «Отчего же невпадал / С этим твердым: «В ногу, в ногу!» / Выводило наугад / Сердце не на ту дорогу?»

Почему? Здесь на помощь писательнице приходит Велимир Хлебников, предложивший в свое время столь созвучную ее мироощущению формулу: «Мы — новый род люд-лучей. Пришли озарить вселенную». И хотя Римма Казакова никогда не претендовала на пост Председателя Земного Шара, она нередко ощущала себя БУДЕТЛЯНКОЙ и в ее поэтическом мире нет непроницаемых границ между странами и культурами: «Нога с земным соприкоснется шаром, / Расчерченным бесцельностью дорог / Арбат — и Елисейские поля, / Бродвей — и джунглей омут чародейный».

Да, эту хлебниковскую задачу — озарить, осветить, согреть, обуютить вселенную, весь наш растерзанный (по ее же выражению) мир — Римма Казакова пыталась решить с самых юных лет. Она не признавала власти ночи, вечера, тьмы. Вот уж как неблизки здесь Казаковой, с ее первым сборником «Встретимся на Востоке» (1958) Анна Ахматова с первой книгой стихов «Вечер» или шестнадцатилетняя Марина Цветаева с ее «Вечерним альбомом».

Солнечный, жизнеутверждающий, радостный талант дал Бог Римме Казаковой. И она всегда торопилась поделиться своим ощущением бытия со всеми вокруг — от лейтенанта из города ее юности Хабаровска («На золотом погоне синий кант. / Выходит, слава утешает слабо, / Понудившаяся: «Пробивная баба!»... / О, я пробьюсь! До самого генштаба, / Но ты — прощай, Прощай, мой лейтенант!»...) до чопорных ленинградцев из города ее детства, от гостеприимных кубинцев Мигеля и Карлоса из солнечной Гаваны («...Ты будешь снова в снах

моих, Гавана...») до пушистых в своих меховых одежках с колокольчиком на рукаве сувенирных нечест из пещорского чума («Спасибо пещорской вселенной...»). Николай Гумилев называл это редкое в славянской поэзии качество «радостным любованием бытием». А великий гуманист XX века Альбер Швейцер — «благоговением перед жизнью». В эпоху, когда было принято хвалить только одну, свою страну, Римма Казакова отважно воспевала «несоветские» страны и иные континенты, искусно синтезируя «позицию дорог и разворачивающихся пространств» Бориса Пастернака с пряминой экзотикой африканских циклов Николая Гумилева. В сборнике «Наугад» этот раздел «Под чужими небесами» стал ожившей, одухотворенной картой мира, населенной согревающими поэтессу бескорыстными родственными душами,

прилавках. Решительность же поэтической натуры сказалась здесь даже в названиях, где явно побеждают глаголы «Встретимся на Востоке» (1958), «В тайге не плачут» (1965), «Поверить снегу» (1967), «Помню» (1974), «Сойди с холма» (1984), «Возлюби» (1966). Будто споря с последовательным недопризнанием нашей профессиональной элитой таланта Риммы Казаковой, кельнский профессор Вольфганг Казак в своем «Лексиконе русской литературы XX века», достаточно сдержанно оценивший творчество многих ее именитых сверстников, написал: «Лирика Казаковой богата образами, отличается тщательностью в подборе слов... Ее творчество определено характерными для конца 50-х годов поисками человеческой порядочности и отказом от пафоса и пропаганды. Часто это философская лирика... нежной проникновеннос-

которых усидчиво развивает наша постмодернистская поэзия, а Хайдеггера с его «человеком играющим».

Чуткая к художественным открытиям XX века, Римма Казакова в своих стихах опирается на поэтику, разработанную поэтическими лидерами Серебряного века: ее темпераменту близок их стремительный импрессионизм, в котором эмоция порой заслоняет конкретное наблюдение: «Тесно реке, взбаламучено дно, / Таит свечение краткого дня...» Повторяющиеся согласные в этих двух строчках будто подсказывают уставшим губам слово «ТРУДНО». Не ограничиваясь звукописью, поэтесса обновляет постоянно свой словарь, вводя в лирические стихи прозрачность разговорной речи («Что маешься? Делом займись ты!»), легко «вживляет» в стихотворную ткань неуклюжие научные термины («абракадабра», «перспектива», «негатив», «жилмассив», «лекало», «теорема», «донорство») или разговорный сленг («отфутболить»). А порой, пряча улыбку, предлагает нам названия в духе Игоря Северянина — «Эйфорическое ретро».

В стихах Казаковой почти нет цветowych эпитетов. Она относится к ним с пушкинской осторожностью. Лишь однажды прозвучит цвет в названии ее поэтического сборника и то — с заметной долей иронии — «Елки зеленые» (1969). Зато при всей вызывающей публицистичности, современности своего поэтического языка, проступающей даже в заголовках стихотворений («Начинающему бизнесмену», «Выборы», «В московском метро»), писательница явно неравнодушна к фольклору — поэтике народной песни, лаконичности нестарейшей поговорки («Три ночных плача», «Старый друг, что нужнее новых двух!», «Каленая искра»).

Обыгрывая созвучные словечки (выживание — оживание — выхищение — выжигание), поэтесса подобно народным сказителям и древнерусским скоморохам верит, что в словесном созвучии, в рифме нередко скрыт один из тайных смыслов слова. Из таких неслучайных созвучий на наших глазах рождается убийственная формула российской жизни конца XX века: «Законы выживания — (законы выжигания) живой души огнем и златом ада».

Ну а в этом неприятно озаглавленном («Песенки») разделе сборника «Наугад» есть тексты, почти утратившие авторство, — сотни исполнителей считают их народными. Но ни в одной из этих «песенок» не встретишь вкусовой погрешности, которой страдает большая часть современных песенных текстов. Достоинство дистанцируясь от массовой культуры, Римма Казакова дает нашим бардам уроки профессионального мастерства. Сочиняя не похожие на привычные шлягеры песни, Римма Казакова продолжает свой путь в неизвестное, наугад, убеждая нас в том, что «поэзия — это донорство» (и за него — увя! — не стоит ждать награды: «Давно предreshена моя судьба: за дар — дарить, дар обретать — отобран»), а настоящее искусство (и в это верил еще Пастернак!) может быть живым ОРГАНОМ ВОСПРИЯТИЯ всего увиденного на земле.

Лола ЗВОНАРЕВА.

живущими на этой земле по законам своих древних культур — будь то изысканная индианка, любящая прозу Булгакова Кальпана Сахни (стихотворение «Дом») или не умеющий писать монгольский мальчик на коне: «Был ум его дошкольно чист, / Как тополька зеленый лист, / Как желто-бурых гор пределы, / Как ширь небес, где солнце село».

И если Ахматова, чьей лирической дерзостью мы привыкли восхищаться, шутя, вспоминала предков — греческих пиратов, то Римма Казакова, дочь офицера, постоянно оказывалась в этой жизни волею обстоятельств лидером и воительницей. Социальный темперамент заставлял ее бороться против лжи, вероломства и несправедливости, поддерживая тех, «кто не ворует и не лжет, / кто, зла не множа, / от грязи душу бережет — / и губы тоже...». Активная по натуре, даже в любовных стихах (а в новой книге целый раздел так и озаглавлен «Прощай, любовь!»), Римма Казакова нередко выступает не в роли смиренной просительницы, а смешливой, отважной завоевательницы: «Стою, обняв тебя, обняв простор. / Как веточку, судьбу переломила. / Довольно искры, чтобы зажечь костер... / Страхни веснушки на меня, мой милый!».

Постоянная напряженная работа, опирающаяся на природный талант, воплотилась в два десятка хороших книг, никогда не залеживающихся на книжных

тью отличается любовная лирика Казаковой. ...Ее стихи всегда продиктованы серьезным чувством».

Философскую лирику Риммы Казаковой, наверное, по достоинству оценил бы и французский философ Анри Бергсон. Тот самый, которого цитирует в своих дневниках Зинаида Гиппиус, чью книжку привез из странствий по Европе слушавший лекции в Сорбонне Осип Мандельштам.

Интуитивизм — подлинное кредо Риммы Казаковой, и исповедовать его стала она, как свидетельствуют ее стихи, достаточно давно: «Я шагала, как солдат: / Часть массовки, часть народа. / Но чертил наугад / Путь совсем иного рода. / От слепящей темноты, / От казенного усердства / Он увел туда, где ты, / Только ты диктуешь, сердце». И в новой книге писательницы на первое место вышел САМОАНАЛИЗ (так, кстати, называется первый раздел сборника «Наугад»). В центре многих стихов — ощущение автора от дня сегодняшнего, попытка разобраться в них, понять, прислушиваясь к своей интуиции, день завтрашний и себя грядущую: «И направлю я стопы / В небо над вселенною. / И взлечу я на Столбы / Над бескрайной Леною».

Второй раздел сборника «Наугад», озаглавленный кратко «Игры...», заставляет вспомнить отнюдь не Даниила Хармса с Александром Введенским, абсурдистски-игровые традиции